

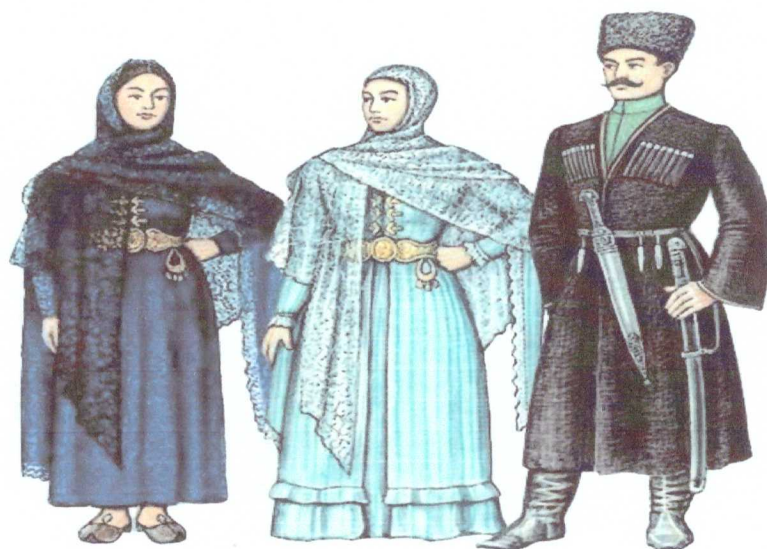

Доклад
по родному языку
на тему:

«Адаты кумыков»

Выполнила : ученица 8 «б» класса
Атаева Салихат

Проверила: Дженнет Расуловна

Адаты кумыков

Из-за опасения, что старые и новые адаты кумыков будут брошены ими и забудутся вовсе и что люди, знающие эти адаты умрут, я решил прибегнуть к помощи трех старых людей, умудренных жизненным опытом, хорошо знающих как настоящие, так и прошлые быт и адаты наших кумыков. Эти старики были следующие: Герей Бекмурзаев, Ачакан Ачаканов и Абдул Умаханов. Я изложил в известном порядке все, что они слышали и знали, а все, что мною об этом было записано, я им прочитал и подверг их исправлениям.

Несколько слов об истории кумыкского народа.

Под названием кумыки была издавна известна маленькая народность, жившая в селении Эндрей. Шамхал Тарковский отделил одного из своих сыновей, Султанмута, и отдал ему во владение земли, заключающиеся между реками Койсу и Тереком. Он прибыл в селение Эндрей и стал князем находившихся там кумыков.

Так гласит история. Так как князь этот являлся владельцем этих земель, то народ, воздавая ему почет, стал ему подвластным. Видя спокойные и мирные порядки среди эндрейцев, сюда стали стекаться с разных сторон разные люди. Население аула Эндрей значительно расширилось. Наконец явилась необходимость построить новые аулы, каковыми явились Аксай и Костек. Кумыки разбились и расселились по этим трем аулам. В каждом из них были посажены свои князья, из которых каждый брал со своего общества подати. На эти подати князья и жили. Князья, уважая своих узденей, входили с ними в молочное родство, отдавая своих детей на кормление грудью их женам. Все народные дела решались по шариату.

Народ решил узаконить кроме шариата и адаты (обычаи). Для введения каждого нового адата кумыки собирались на два кургана под названием "Центральные Курганы". Эти курганы находились между селениями Новый Аксай, Старый Аксай и Эндрей, на берегу речки Яман-Су. Когда вводимый адат касался улажения споров между обществами двух соседних селений, то к этим курганам выходили оба общества, во главе со своими князьями. Одно из них собиралось на одном кургане, а другое на другом. Между этими курганами собирались выделенные от обоих обществ представители. Последние сговаривались о мирном улажении спора, и результат сговора стали называть "адатом". Этот адат скреплялся большинством голосов узденей и, наконец, князьями. Не подчинявшихся адату заставляли подчиняться силой.

Шариатскими делами, как, например, продажа-купля земли, дома, брачные дела, наследство, наказание за прелюбодеяния и т.п., должен был ведать кади. А такие дела, как убийство, похищение девушки и вдовы или гнусное насилие над ними, поранение, воровство и пр., решались по адату. И в последнем случае были свои наказания и меры пресечения, как то: выселение из родины, штрафы и пр., причем адатные судьи были в каждом селении. Если кто-либо не был доволен решением адатного судьи своего селения, то в селение Эндрей посылалось по одному кадию от каждого из трех названных селений и умные из узденей. Эти люди в том селении рассматривали, в качестве судей, дела в течение трех месяцев. Если же этот суд не мог решить дело, то на вышеназванные "Центральные курганы" собирались общества трех селений и там выносили в окончательной форме свое решение, которое вводилось в быт как адат.

У нас, у кумыков, судебные процессы бывали двух родов: направляющиеся к адатам и направляющиеся к шариату. В прежние времена споры и процессы, относящиеся к адату, имели три направления (отделения): торговое, земледельческое и собственно адатное. При судебных делах адатного направления на суде выносилось постановление. Если находилось лицо, постановлению не подчиняющееся, то его заставляли силой подчиняться. Для преступников существовал княжеский подвал, куда их сажали.

Дела, направляемые у кумыков в суды, были следующих родов: о воровстве, об убийстве, о поранении, об изнасиловании, о нападении на дом, о поджоге ночью и т.п.

В торговое отделение суда направлялись дела торговцев и купцов, в земледельческое отделение (крестьянское отделение) дела крестьян. Дела прочих видов рассматривались по шариату. В спорах торговых членами суда являлись крестьяне. Их постановление имело законную силу.

АДАТЫ ПРИ УБИЙСТВАХ

Человек, совершивший убийство, немедленно после убийства укрывался со своими родственниками, по отцовской линии, в доме своего князя. Последний, согласно адата, должен был взять их под свою защиту и покровительство. В этих случаях он, собрав своих узденей и молочных родственников (эмчеков), брал на себя руководство в делах укрываемого им убийцы в целях предупреждения и предотвращения ответного кровопролития, для успокоения потерпевших, до примирения убийцы со стороной. Князь кормил весь укрываемый род убийцы до окончания своих хлопот по примирению сторон. Сюда в дом князя, а также к потерпевшим приходили односельчане и знакомые. Они, выражая им свое соболезнование,

говорили по обыкновению: "Да ниспошлет Бог свой мир..." Родственницы убийцы в доме князя держали "яс" (обряд оплакивания убитого) и при этом, причитывая, проклинали и поносили своего родственника-убийцу. Сам же князь, выждав окончания дней "яс" у убитого, посылал туда своего кади и двух "тамаза" (почетных стариков) для переговоров о примирении с родственниками убийцы. Если не соглашались простить убийцу, то посланные князя предлагали выселить далеко из родного аула убийцу (адат - "канлы") и при этом просили примириться с родственниками убийцы. Если переговоры в первый раз были безуспешны и посланные возвращались к князю ни с чем, то последний посылал их второй и третий раз и вообще до тех пор, пока родственники убитого не соглашались на примирение. При этом последнем случае от родни убийцы собирался "алым", т.е. мзда, преподносимая родне убитого. Алым с дыма, т.е. с родни, кушающей из одно-1л го котла, с давних времен был установлен в один баран. Позднее установился "алым" в деньгах - в размере тринадцати рублей. В случаях, когда родственники жили отдельно, то на алым бралось с каждого брата по пяти рублей, с двоюродного брата по два рубля пятьдесят копеек, с троюродного брата один рубль пятьдесят копеек, а четвероюродного брата по шестьдесят пять копеек и т.д. Нисходя по дальнейшим родственникам, взыскание доходило до мзды в двадцать пять копеек. Того родственника убийцы, который не желал принять участие в алыме, родственники убитого имели право убить. Разумеется, что алым был большой в том роде, где родственников было много, а малый, где родственников было мало. Если у убийцы род был маленький и состоял из бедных родственников, то эти родственники в алыме не участвовали.

Когда таким образом алым был готов, то родным убитого посылали сказать, что "идем с алымом". Последние все собирались в доме убитого и держали "яс". Родственники убийцы с почетными стариками аула, кадием и князем во главе, передав алым кадию, шли на "яс" или "тазият" (сидение мужчин на "ясе"). Перед отправлением туда у родственников убитого снимали все оружие, обувь, и они босые, подняв шаровары выше колен, сняв свои папахи, ПЕЛИ до тазията. Когда эта процессия подходила ко двору с тазиятом, то кади с алымом, оставив родственников убитого на почтительном расстоянии от тазията, вместе с князем и почетными сельчанами подходили к тазияту, и, по отдаче своего обычного салама (приветствия), совершив молитвословие (дуа), произносил проповедь о прощении и мирной жизни. После этого он подходил к старейшему в роде убитого, сидящему на тазияте, и, поднося ему алым, говорил: "Этот алым дает (такой-то) князь". Беря алым, родственники убитого становились лицом к родственникам убийцы,

возвращались к себе - по домам. Перед возвращением они произносили: "Да ниспошлет Бог свой мир". Убийца был отправляем в качестве канлы (кровника) в другие селения. Если его там находили родственники убитого и убивали, то говорилось "кровь за кровь" и об этом забывалось. Если они его не могли убить, то он был в канлы до тех пор, пока с ним родственники убитого не примирились.

Родственники убийцы, после примирения с родственниками убитого, не должны были оставлять своего осторожного отношения к ним.

В случаях, когда родственник убитого убивал родственника убийцы, давшего алым, такой убийца являлся кровником - "канлы" ем князя в течение одного года со дня убийства. Если только его князь не убивал, то он не мог видеть князя и сказать ему: "доброе утро" и "добрый вечер" (обычные слова, произносимые при поклоне князю). Такого канлы-кровника князя никто не принимал и не давал ему приюта у себя. По этой причине никто не осмелился быть канлы князя.

АДАТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ВОРОВСТВУ

В случаях, когда три-четыре человека, свалив перекладыны на стойках у прохода в чей-либо двор, уводили чужой скот или лошадей, или увели их в то время, когда хозяин пас их в поле или же когда они сами паслись без наблюдения, - хозяин искал их по следам, по расспросам и, не найдя их этим путем, распускал слух, что всякому, кто приведет его лошадей или скот или укажет воров, даст столько-то денег. Тогда находился "айгак" (знающий воров), и если он боялся, открыто заявить, то секретно заявлял хозяину, что он знает воров. Когда же айгак себя обнаруживал не самому хозяину, а через третье лицо, то хозяин, обнаружив воров через посредство этого третьего лица, после передачи через него обещанных денег айгаку привлекал этих воров к суду с тусеу, в числе которых были айгак и посредник при переговорах с айгаком. Если воровство было совершено со двора хозяина, то полагалось на лошадь по два тусеу. Если же совершено в поле, то на лошадь по одному тусеу, какое бы количество ни было уведенного скота. Больше двенадцати тусеу не полагалось. Тусеу должны были поклясться в том, что воровали или не воровали. Если при этом хоть один тусеу клялся в виновности, воровство считалось признанным. После этого заставляли клясться хозяина в том, что его скот или лошади стоят столько-то, что он айгаку заплатил столько-то. Если уворованных животных приводили ему обратно раньше передачи им айгаку денег, и он, ссылаясь на исхудалость своего скота, отказывался его принять, то это, согласно адату, он так не имел права делать: по адату хозяин должен был принять обратно свою скотину,

если она может "перейти через палку". Воров же сажали в подвал князя до тех пор, пока они или приводили скот, или же не платили его стоимость. Айгаку больше стоимости уворованного животного платить не полагалось.

АДАТЫ ПО ОКАЗАНИЮ УВАЖЕНИЯ И ПОЧЕТА ДРУГ К ДРУГУ

В прежние времена среди князей, узденей, владеющих поместьями и рабами, были следующие обычаи: у князей и у больших (поместных) узденей были свои кунацкие комнаты в домах. Встав утром и опоясав себя туго поясом при оружии, они уходили в свою кунацкую комнату и там оставались, не ходя к женам, до тех пор, пока не настанет время спать, а на кухню они не заглядывали за всю свою жизнь ни разу. В кунацких князей собирались их уздени, молочные родственники. Старики там сидели, молодежь там стояла у стен. Старики говорили об адатах, о порядках в быту, о том, как молодежи надо себя вести, как жили отцы и т. д. Молодежь почтительно слушала. Тогда каждый из народа жертвовал для своего друга, приятеля, родного и всего народа своей жизнью и своим имуществом. Ради своего народа и родного селения каждый и убивал, и умирал, и стремился поднять в глазах других обществ общество своего селения. Каждый имел сердце чистое, мысли неиспорченные, лицо открытое. Каждый из народа любил молодечество, удаль, проявляемые во время боев и всяких тревог. Тамазы восхваляли этих удальцов, прославившихся своими подвигами во время сборищ народных. У слышавшей и видевшей это молодежи появлялось желание уподобиться этим удальцам, и они стремились к удалству, творили подвиги. Те же, которые не придерживались адатов, не допускались в народные сборища и в кунацкие князей и узденей.

Тех, которые в боях трусили и бежали, при выходах на тревоги прятались и не выходили под каким-нибудь предлогом, сдававшихся живыми в плен в боях, во время нападений на них отдававших свое добро грабителям и возвращавшихся невредимыми, творивших насилия над своими односельчанами, натравливавших одних людей на других, вызывая между ними вражду и убийства, отбирающих обманом и ложью имущества других - всех таких людей князь и уздени в своих кунацких позорили и срамили и в народных сборищах не оказывали им ни малейшего уважения. Народ говорил о них: "Низшие люди, не мужчины, у них нет совести и чести, им не надо возвращаться между князьями и узденями, им нужно сидеть с женами и помогать им кушанье готовить". (В прежнее время князю или узденю зайти на свою кухню нельзя было - это для него считалось позором). Когда мужчина бил или ругал своих жену или сына, то если те убежали на кухню, значит спасались от дальнейшего нападения мужа или отца.

АДАТЫ, СВЯЗАННЫЕ СО ВСТРЕЧЕЙ И ПРИЕМОМ ГОСТЯ

Если кунак (гость) приедет к князю и пойдет в его кунацкую, о по утрам при виде князя он должен дать князю салам, после его должен ему сказать: "Танг яхши болсун" (доброе утро). Если князь ответит: "Саубол" (спасибо) - и сделает движение туловищем с места своего сидения, то гость должен снять ему свою папаху. Если князь встанет, возьмет его за руку и скажет: "Хош гельди" (добро пожаловать), то гость должен ответить: "Саубол" (будь здоров). Если дальше князь скажет: "Эсен аман бусан" (благополучен ли), гость ответит: "Эсенбол аманбол" (будь благополучен и счастлив). Если же князь ничего этого не будет говорить, то гость должен молчать. Если ему предложат сесть, то, если только князь не старший его родственник, может сесть. Когда он сядет, он должен занять почтительную позу, не сидеть, развалившись на стуле. Ноги его должны быть прилично обуты.

Когда в кунацкой собиралась молодежь и туда приходил старик или средних лет человек, пользующийся уважением, то на его обычный салам молодежь, встав с мест, приняв его салам, приветствовала его: "Хош гельди" (добро пожаловать). Если вновь прибывший только ответит "саубол" и больше не будет продолжать своего, обычного у кумыков, приветствия, то молодежь должна молчать и стоять.

Обычно в беседу сидящих не вмешивались стоящие, они только отвечали на их вопросы и слушали со вниманием их разговор. Когда гость решал ночью уйти из кунацкой и уходил, то он, обращаясь к князю, говорил: "Геченг яхши болсун" (пусть будет твоя ночь хороша). Если в ответ князь скажет: "Саубол" (будь здоров) и сделает движение корпусом, то гость должен снять ему папаху.

В каждом селении старший из князей представлял из себя власть, и его называли "Уллубий" (великий, первенствующий князь).

В кунацкой уллубия собирались князья и уздени, там садились уллубий и старейшие тамазы из узденей, а молодые князья и уздени стояли. Если они приезжали верхом, то их оседланные лошади стояли у "карас" (толстое ветвистое, очищенное от коры дерево, посаженное посреди двора, на ветви которого кунаки закидывали уздечки своих лошадей и входили в кунацкую). Если бывала тревога, то молодые гости выходили на нее вместе с уллубием. Если же не было тревоги, то они, пообедав у уллубия, с наступлением вечера возвращались к себе. Каждый день по установленной очереди уздени и князья собирались у уллубия. Так жили кумыки в старое время.

Гость, прибывший из других селений, в'ехавши во двор князя, под'езжал вплотную к карасу и слезал с лошади. Если из кунацкой никто не выходил к

нему для того, чтобы взять у него лошадь, то он сам закидывал уздечку за ветку караса. Входя на балкон кунацкой он скидывал с себя башлык, снимал бурку и оружие и входил в кунацкую. Если в кунацкой был князь, то он, дав ему обычный салам, если было утро, говорил: "Танг яхши болсун" (пусть будет доброе утро), если был вечер - говорил: "Геч яхши болсун". Когда князь отвечал: "Добро пожаловать", гость отвечал: "Спасибо". Если князь протягивал ему руку, он ее брал, если говорил: "Садись" - садился, если же нет - продолжал стоять.

Когда внесут в кунацкую поднос с едой и хозяин скажет гостям: "Идите есть", то гости не подходили к еде: они ждали пока князь (хозяин) не назовет по именам тех, кто с ним мог сесть при еде. Когда эти наедались, то поднос с остатками кушаний передавался не участвовавшим при еде с князем гостям, которые до этого времени продолжали стоять. По переносе подноса от князя к ним они все садились и кушали. Обыкновенно ели сидя на полу. Никто не мог взять для себя стул, пока ему не принесут.

Когда в кунацкую приходил ученый человек, то вне зависимости от того, что он молод, его садили на "тёрь" (почетное место). Кади, мулла пользовались среди народа особенным почетом и уважением. Последние иногда также посещали кунацкие князей.

ОТНОШЕНИЕ ОТЦОВ К ДЕТЯМ

У кумыков отец, имевший сына или дочь, поступал так: в то время, когда сын или дочь были ребенком, то будь последний на руках няни у отца дома или же передан на молочное воспитание "эмчеком", все равно его не приносили в ту комнату, где был отец. Если последний видел где-нибудь, что его ребенок упал, - он его не поднимал, если он плакал - не успокаивал. Янсук-Хаджи Таулу-заде, когда увидел, выйдя из своей кунацкой и войдя в конюшню, своего малолетнего сына, поднятого быком на рога, не сняв его, пришел обратно в свою кунацкую: "Там в конюшне один ребенок плачет". После чего его домашние пошли в конюшню и сняли его ребенка с рогов быка.

Так относились к своим детям князья и известные уздени.

Что же касается дочерей, то отцы никогда их не видели. Их застили и воспитывали их матери. Когда Юсуф-Кади Клычев увидел свою взрослую дочь, то спросил: "Чья это дочь". Отцы не женили своих сыновей и дочерей не выдавали замуж до двадцатилетнего возраста. Сын беспрекословно женился на той девушке, которую за него брал его отец. Дочь также беспрекословно выходила за того, за кого ее выдавали.

Дед же мог играть с детьми своих детей, носить их на руках, ходить с ними и кормить их. "Моего дитяти дитя слаще меда", - гласит пословица стариков.

ОТНОШЕНИЕ СЫНОВЕЙ К ОТЦУ

Согласно адата у кумыков уважение, оказываемое сыном отцу, было в такой форме:

Сын не садился при отце, стоял и слушал при нем, отвечая лишь на его вопросы. При отце он не ел, не курил, исполнял всякое приказание отца беспрекословно, не рассуждая о том, правильно ли это или неправильно. Сыну назвать отца по имени считалось неприличным. Он находился в кунацкой, пока не заснет отец. Сам он ложился спать, когда уложит отца спать. Порядочные сыновья, не испросив разрешения отца, никуда не выходили и ни за какое дело не брались. На виду отца не входили в комнату жены. До смерти отца они от него не отделялись, ничего при жизни отца они не называли своим, не испрося разрешения отца ничего никому не давали и не брали. Всегда они оказывали почет и уважение отцовским родственникам и друзьям. Перед отцом они ни одним словом не обмолвливались о своих детях и женах.